

лены под любым углом рассмотрения.

Тем не менее подобного рода вариативность, условно говоря, «априорных форм», при которой, как кажется, нет никаких условий для совпадения систем релевантностей или для нахождения общего языка – сосуществует с процессами глобализации. При этом сама глобализация, унификация как будто «разбирается по частям», интериоризируется, но этим самым проникает всюду, проявляясь во всем, вплоть до отдельных поступков индивидов. Таким образом, языки постижения мира со своей динамичной системой значений становятся одной из сторон «индивидуально-ответственного *поступка*». Более того, по выражению М. М. Бахтина, вся жизнь человека может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок, «в услужении» которого исторически выработались разнообразные языки постижения мира. В поступке происходит слияние души и тела, перерастание биологического существования в существование личное; природного мира – в мир культуры, в условиях, когда все это становится актуальным и в то же время не перестает быть эфемерным, благодаря временной структуре нашего опыта [2]. Поскольку в этом процессе тесное переплетение языка и действия, ближе всего именуемое термином «языковые игры», позволяет в своей динамике выражению, вступающему в «языковые игры», принимать то одно, то другое значение – то подобные преобразования становятся компонентом деятельности человека, «формой жизни» [5, с. 122]. В сложном переплетении подобного рода «форм жизни» или социальных феноменов, языковых значений – формируется глобальный ответственный поступок, нуждающийся в упреждающем философском осмыслении.

Источники и литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч.1. – М., 1994. С. 83–90.
2. Громько Н.В. Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 175–180.
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000.
4. Кудряшова Т.Б. Онтология языков познания. – Ч.1 – Иваново, 2001.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия.

Лазарев Ф.В.

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ УГРОЗЫ

В середине XX века чуткий к веяниям эпохи поэт воскликнул:

Все прогрессы реакционны,

Если рушится человек!

С тех пор много воды утекло: к старым "прогрессам" добавились новые – космические станции, персональные компьютеры, интернет, клонирование живых организмов, нанотехнологии, процесс глобализации в экономической, социальной и культурной областях... А вот что касается человека, то он по-прежнему "рушится", но с еще большей силой. Складывается впечатление, что чем больше "прогрессов", тем больше бед приносят они людям. Существует ли здесь прямая зависимость – вопрос особый. По крайней мере, одно можно сказать определенно: современная технократическая цивилизация увязла в противоречиях, которые непосредственно обостряют проблему выживания людей на нашей планете.

Вот уже несколько десятилетий как в мире ширится экологическое движение. Экологи поняли и убедили остальных, что в нашем общем природном доме не все благополучно и что без решительных мер по охране окружающей среды дело может пойти слишком далеко. Однако сегодня мы должны понять еще одну важную истину: неблагополучно обстоит дело и с самим "хозяйном дома" – человеком. Настало время, когда спасать надо не только бабочек, редких пернатых и уссурийских тигров, – спасать надо самого человека. Человеческий дух никогда не смирится с мрачным пророчеством М. Фуко: "можно поручиться – человек исчезнет, как исчезнет лицо, начертанное на прибрежном песке". Но фактом является то, что над миром нависла угроза *антропологической катастрофы*.

К числу важнейших ее признаков можно отнести следующие:

- разрушение биосферных основ жизни на Земле, включая физическое существование людей (загрязнение атмосферы, водных ресурсов, изменение климата, эрозия почвенного покрова и т. п.);
- физическая деградация человека как вида (резкое увеличение числа детей, неполноценных в том или ином отношении, рост массовых заболеваний, наркомании, сексиндустрии и т. п.);
- процесс очевидной депопуляции населения в ряде стран планеты;
- появление новых технологий манипулирования сознанием во все возрастающих масштабах; кризис человеческой субъективности и виртуализация человеческого "я";
- трансформация ценностного сознания среди больших масс людей (особенно в молодежной среде), возникновение "одномерного человека".

Все перечисленные тенденции, на первый взгляд, могут показаться автономными, протекающими сами по себе. Однако при внимательном анализе становится ясным, что они не только тесно взаимосвязаны, но и неминуемо стягиваются в тугую узел. Слияние этих тенденций в одной точке, собственно, и означало бы глобальную антропологическую катастрофу.

Между тем, человечество сегодня живет так, что каждый прожитый день, если рассматривать этот отрезок времени по его совокупному и вполне реальному результату, неминуемо ведет нас к пропасти. Люди часто спорят о будущем вообще, строят всевозможные утопические проекты, но сегодня речь-то должна идти о чем-то совершенно конкретном: *по какому пути мы идем* в нашем сегодняшнем реальном историческом движении. Впервые в истории проблема *пути* стала ключевой. И дело здесь не в *выборе* пути. Человечество ничего не выбирало, оно просто идет – в силу сложившихся обстоятельств во вполне *определённом направлении*. Сознательно или стихийно – это, в конечном счете, не имеет никакого значения с точки зрения мрачного финала. Футурологи и социологи-глобалисты уже прогнозируют: человечеству осталось 40–50 лет до глобального коллапса. Некоторые, возможно, думают про себя: на наш век хватит. А что: у детей и внуков *будущего уже не будет*? Очевидно одно – выбрали мы наш путь или его кто-то нам навязал, но он губителен для современной цивилизации. И тот факт, что мы продолжаем по этому пути идти, создает ощущение всепланетарного *мира абсурда*. Все делают вид, что ничего особенного не происходит, что глобальный корабль идет по верному курсу; поэтому можно быть спокойным, продолжать веселиться, радоваться бесконечному многообразию утех и услуг, которые с готовностью предлагаются гедонистически настроенному индивиду современной цивилизацией потребления. Вот печальное следствие дефицита мудрости: гегелевский мировой разум истории обернулся историческим безумием постмодерна.

О бытии человека в *мире абсурда* экзистенциалисты Камю заговорили еще в 50-е годы прошлого столетия. Но сегодня мир абсурда принял новые формы и обличья. Он обрел глобальную направленность и скорость движения, он обрел четкие очертания нового "Титаника". А мы все, собравшись на этом "Титанике", так адаптировались к существованию на краю бездны, что уже ничего не замечаем. А есть ли у всех нас *будущее* уже на ближайшую перспективу? Кому-то этот вопрос покажется нелепым. Почему я, отдельный, никому не известный индивид, должен думать о человечестве в целом? Здесь порой некогда подумать о самом насущном, а не то что о будущем всей цивилизации... И все же: если подобным образом будет рассуждать каждый житель планеты, если он снимет с себя ответственность за все происходящее вокруг, то общей беды не миновать.

Сегодня история подошла к такой точке своего течения, когда мы должны отнестись к будущему по-новому, ибо впервые перед нами такое будущее, которого *может не быть*. Новизна этого отношения состоит в том, что мы должны осознать особую зависимость грядущего хода событий от нашей коллективной воли. Указанный ход событий включает в себя две особые, критические точки. В авиации есть такое понятие – "точка невозвращения". Любой самолет, отпавляющийся с данного аэродрома, заправлен определенным количеством топлива. В случае необходимости каждый самолет может вернуться назад, если расстояние, которое пройдено в пути, меньше критического. Но если эта точка пройдена, самолету для экстренной посадки нужно запрашивать какой-то другой аэродром. По аналогии можно сказать, что первой критической точкой ближайшего будущего станет такой момент, когда земная цивилизация войдет в стадию неотвратимости катастрофы. Второй точкой, соответственно, будет сама катастрофа. По грубым расчетам, мы приблизимся к первой точке – если человечество резко не изменит используемые стратегии жизнедеятельности – через 7–10 лет. Можно ли вмешаться в грядущий ход событий? Можно, но лишь *загодя*, с определенной дистанции, в противном случае поезд истории наберет такие обороты, что с него нельзя будет спрыгнуть, не разбившись.

В свете сказанного становится ясно, что существует еще одна критическая точка на пути современной цивилизации – *точка поворота* от безудержной и бездумной эксплуатации потенциала планеты и нарастания негативных антропологических тенденций к *устойчивому развитию*. Условно точку можно датировать первым январем 2010 года. Если до этого момента каждый прожитый день приближал современный мир к пропасти, то с этой даты – в случае осознания ситуации и принятия соответствующей Программы действий – каждый день – пусть всего "на сантиметр" – будет отдалять нас от роковой черты. И по истечении каждого дня человечество будет задавать себе один и тот же вопрос: а что сегодня реально сделано для того, чтобы отойти хотя бы на шаг в обратном направлении? Вопрос этот, однако, должен задаваться не только человечеством, но и каждым отдельным человеком Земли.

Деформация ценностного сознания: от человека как "вещи природы" к человеку как "машине желаний".

Современная цивилизация породила странный тип массовидного человека: из всего потенциального богатства человеческих жизненных ориентаций она выбрала и актуализировала всего четыре ценности – материальный достаток, власть, престиж и погоню за удовольствиями. Не очевидно ли, что за всю человеческую историю более примитивных и приземленных ценностей не существовало? Казалось бы, от цивилизации разумно ожидать, что она использует все свои рычаги, чтобы убедить людей в узости и однобокости такого рода ценностей. На деле мы видим прямо противоположное: именно они-то и рекламируются в первую очередь, они-то всеми возможными средствами и насаждаются, навязываются массовому сознанию. Для этого в ход идут изощренные коммуникационные технологии, массовая культура, реклама и т. п. Человек все больше превращается в "машину желаний", и эти желания известны каждому: любовь подменяется сексом, искусство – шоу-бизнесом, счастье – наркотиком, семья – временным сожительством морально опустошенных людей. Все остальные ценности (истина, добро, красота, гармония, священное и святое) объявляются устаревшими мифами нерационального, традиционного человека. На смену ему приходит прагматически настроенный, "одномерный", "экономический человек".

Какая модель цивилизационного развития сегодня предпочтительна?

Мы видим, что либеральная модель цивилизационного развития современной технократической цивилизации, породившей одномерного человека, не способна вывести человечество из тупика. Идея "экономического человека", лишенного духовных ориентаций и морального капитала, не оправдала себя. Потерпела фиаско

и марксистская концепция, сводящая сущность человека к социуму, к базису (человек – совокупность всех общественных отношений). Какой отсюда следует вывод? Для того, чтобы найти реальный путь выхода из кризиса человека, необходимо выработать стратегию движения, *аутентичную* его сущности. А знаем ли мы по–настоящему, в чем заключается эта последняя? Ведь в данном случае требуются не просто философские спекуляции, а некоторые практические рекомендации. Очевидно, в нашем культурном сознании назревает потребность нового *поворота* к человеку, чтобы более глубоко понять его природу, его антропологические константы и сущностные характеристики.

Дают ли существующие философские учения базу для понимания этой проблемы? Если взять такие классические концепции, как натурализм, марксизм, экзистенциализм, фрейдизм и др., то все они, верно схватывая какой–то один срез бытия человека, вместе с тем непомерно абсолютизируют свой аспект рассмотрения, заставляя тем самым другие фундаментальные измерения человеческого присутствия в мире. Опыт современной истории показал, что сущность человека не удалось свести ни к "естественной, природной основе", ни к совокупности социальных отношений, ни к экзистенциальной практике, ни к стихии иррационального. В результате мы можем констатировать, что в данном случае является бесплодной сама методология редукционизма. Какая же модель должна быть принята взамен данной? Подход с точки зрения "мозаичности" сущностных характеристик человека или философия "многомерности"?

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что философско-антропологические модели и социальные проекты, отражая каждый по–своему те или иные социальные тенденции, в определенных исторических условиях претворялись в жизнь. Так, социалистическая практика формировала свой тип человека, равным образом сегодня мы можем говорить о складывании "постмодернистского" экономического человека по моделям либерализма.

Таким образом, если говорить об антропологическом кризисе человека в общепланетарном масштабе, то он, по–видимому, проистекает из трех оснований: во–первых, из факта реализации в социальной практике тех или иных уродливых социально-антропологических доктрин, во–вторых, из факта разрушения неких базисных, сущностных определений *homo sapiens*, в–третьих, из негативных цивилизационных, геополитических процессов, включая в известном смысле и процессы глобализации.

Тот факт, что мы не имеем сегодня более или менее удовлетворительного учения о человеке, становится тормозом в решении многих конкретных вопросов, рождаемых самой практикой современной цивилизации, например, в области мировой образовательной стратегии, в науке, медицинской практике (вопросы эвтаназии, прерывания беременности, народного целительства и т. п.). Один только пример. В ближайшие годы мы будем свидетелями резкого скачка в развитии биотехнологий, в частности, технологий по клонированию и т. п. Перед медицинской практикой совершенно конкретно возникает вопрос о точной медицинско-правовой дефиниции сущности человека: является ли эмбрион человеком и на какой стадии его развития должна наступать его правовая защищенность как человеческого существа. Сегодня в этой области стихийно сложились два подхода – функциональный и субстанциональный, которые предлагают принципиально разные ответы на один и тот же сугубо практический вопрос. Очевидно, что оба эти подхода не могут считаться удовлетворительными с точки зрения современной методологической культуры. Но другие возможные решения просто отсутствуют.

Между тем известно, что современная наука накопила гигантский материал фактов и наблюдений в самых различных областях, касающихся жизни человека – в медицине, биологии, валеологии, истории культуры, психологии и др. Существует многовековая традиция осмысления феномена человека в философии. Возникает настоятельная задача синтеза, обобщения и интерпретации всех этих накопленных знаний. Необходимы комплексные исследования, нужна единая наука о человеке. В этом смысле следует отметить, что в РАН плодотворно работал многие годы Институт человека.

Отсюда возникает глобальная, общецивилизационная задача – направить творческие силы ученых–антропологов, культурологов, философов, психологов – на систематическое, комплексное исследование этой проблемы. Сегодня созрели все предпосылки для качественного прорыва в этой области.

Медведев Е.П.

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ Ю.ХАБЕРМАСА НА ОБРАЗ БУДУЩЕГО СОЦИУМА

Постановка проблемы. Одним из наиболее актуальных явлений в культурфилософии XX века стала Франкфуртская школа неомарксизма, резко критиковавшая современное социум и культуру за их превращение в средство тотального контроля и подавления индивида. Виднейшим представителем позднего поколения франкфуртцев стал Юрген Хабермас. Разрабатывая свою концепцию репрессивного общества в несколько ином, нежели основные представители школы, феноменологическом ключе Хабермас пересматривает многие из положений, выдвинутых ее основателями – М. Хоркхаймером и Т. Адорно. Хоркхаймер и Адорно, так же как и их коллега Г. Маркузе выступили обличителями и ниспровергателями современного им социума, у которого, по их мнению, нет перспектив в грядущем.

В свою очередь, Ю. Хабермас подошел к разработке положительного образа будущего с иных позиций. Он не стремится ниспровергнуть общество эпохи модерна – у него совершенно иная задача. В связи с вторжением технологической рациональности в сферу интеракции, у общественной науки возникает, считает Хабермас, первоочередная задача: найти те элементы культуры, которые еще не интегрированы в экономическую и политическую систему капитализма. Для него такие компоненты социальной системы, как поставономное